

ПТИЦА ПЕВЧАЯ

ИМУ
ПРЕРВАННЫЙ
ПОЛЕТ

Слушаешь взволнованный рассказ
этой хрупкой женщины,
и становится не по себе.

Чувства стыда
и негодования, перемежаясь,
мешают сосредоточиться и
спокойно разобраться во всем.

А она, с надеждой и мольбой,
просит объяснить,
почему никак не вырваться из тенет,
опутавших ее,
и есть ли он, выход. Кажется,
что на твоих глазах бьется подбитая
птица. Она так прекрасна,
что даже глубокие раны
не в силах затмить ее красоты.

Но что ее ждет?
По всему видно — не взмыть ей
в небеса, как бывало.
А ходить по земле она не умеет.

Ларите Сапуновой, выпускнице Училища имени Гнесиных, предрекали блестящее будущее оперной певицы. Но она пренебрегла карьерой театральной актрисы, став... артисткой цирка.

Да, не только в сказках сила любви творит невозможное. В жизни по ее прихоти не счастье безразсудств. В двадцать с лишним лет Ларита впервые поднялась под купол цирка и отважно ступила на канат.

Чего не сделает влюбленная женщина, чтобы быть рядом с избранником! Ларита сумела разделить все заботы мужа, сделав их общими. Кроме того, ей удалось не только купаться в лучах славы дагестанского канатоходца Магомеда Магомедова, но стать подлинным украшением их номе-ра.

Более десяти лет Ларита и Магомед дарили зрителям не-повторимое зрелище. Во время гастролей советского цирка в Аргентине в одной из газет появился шарж: на проволоке стоит человек с ножницами в руках и готовится перерезать ее — «это единственный трюк, которые еще не делал Магомед Магомедов», — гласит подпись.

Многочисленные отзывы прессы всех стран мира удивляют неожиданным соседством слов: «сальто-бланш» и «вокализ», «опера» и «манеж». «Ларита уверенно стоит на голове у Магомеда, он шаг за шагом поднимается по наклонному канату, а она вдохновенно поет, и голос ее, возносясь под купол, заполняет зал», — так писали о «Песне под куполом» очевидцы.

Думаю, не лишне будет заметить, что свои трюки артисты старались исполнять без лонжи. Даже на репетициях они не-

охотно использовали страховочный трос — он стеснял движение, мешал ощущению высоты.

— За это и поплатились, — с удовольствием отмечают недоброжелатели, те, кто умеет крепко держаться за спасительную лонжу.

В 1972 году Ларита упала из-под купола в манеж. По роковому стечению обстоятельств ее тело распласталось не на мягких опилках, а на дощатом полу иллюзионного аттракциона.

Ее в буквальном смысле собирали по частям. Двадцать одна операция, состояние клинической смерти, более двух лет в гипсе...

— Ларита — феномен, который стоит показывать людям, особенно тем, кто из-за пустяка опускает руки, — говорит о Магомедовой известный профессор-травматолог. — После всего, что с ней случилось, она была обречена на полную неподвижность. Рентгеновские снимки — лучшее свидетельство того, что она не должна ходить. Но она ходит, мало того — танцует!

Мучительным было ее возвращение в цирк. Лариту здесь явно не ждали. Новые звезды блестали на манеже. Ее песня была спета — так решили многие. Но не она. И доказала свое право выходить на манеж, быть артисткой.

Что может инспектор манежа? В интерпретации Л. Магомедовой — это камертон всей программы, создающий праздничное настроение зрителям, настраивающий на мажорный лад артистов. Да, за кулисами она не расставалась с костылями, но на манеже появлялась статная, очаровательная ведущая, и зал ловил каждое ее слово.

А по ночам она мечтала. Разве можно отказываться от способности мечтать и верить, что не все еще потеряно. Тем более такой сумасбродной максималистке, которая не может довольствоваться малым.

ВОТ ОН БЕЗ СТРАХОВКИ ИДЕТ!

В. Высоцкий

В 1975 году в советском цирке появился еще один иллюзорный номер. Нет, он не стал новым словом в жанре иллюзии. Традиционный «женский» вариант с цветами и собачками. Но зрителей сразу привлек образ новоявленной волшебницы, покорил ее голос. Артистка царила на манеже, превращая нехитрые фокусы в занимательное зрелище, наполняя фрагменты действия драматизмом, несвойственным развлекательному номеру. И часто после выступления Ларита не в силах была унести цветы, те цветы, что дарили ей зрители...

Почему же так труден наш разговор? Что не дает покоя измученной душе артистки?

Несправедливость. Черствость. Эпидемия безнравственности. Власть тьмы.

Попав в цирк, она стала белой вороной. Ее образование, ее удивительный голос, даже ее внешность часто вызывали не просто раздражение, открытую неприязнь. Воспитанная на высокой поэзии, вряд ли она сознавала, с чем ей придется столкнуться в неведомом мире цирка. Нравы здесь незатейливы. Язык прост до неприличия. Да и что можно было требовать от людей, «университетов не кончавших», не умеющих толком читать. В манеже их спасал блеск мишуры и владение ремеслом, но в жизни обыденной они не выглядели так же привлекательно.

— Когда-то многое можно было оправдать и оправдывали тяжелым наследством войны. Тем, что многие артисты долгое время не имели не только своего угла, но и паспорта, — объясняет Ларита Анатольевна. — Но сегодня... Что сегодня будет оправданием? Ведь из-под палки ничему не научишь, не заставишь приобщаться к огромному культурному наследию. Оно так и остается в стороне для многих, кто называется сегодня артистом цирка. Отсутствие культурного багажа сказывается и в манеже, и в быту.

— Вот и живу, как в лесу, — продолжает артистка, — не с кем пообщаться по-человечески. На уме у окружающих одни шмотки да видики. И если говоришь о книгах, спектаклях, смотрят скептически, как на сумасшедшую.

Магомедова сохранила отношение к цирку, как к святыне, к храму искусства. И понятно, когда при ней в этом храме свистят, ругаются, сорят, Ларите становится невмоготу, словно плюют в лицо.

Собственно, соблюдение порядка в цирке — одна из прямых обязанностей инспектора манежа, роль которого с удовольствием выполняет Ларита. Но не по обязанности отчитывает она тех, кто забывает все приличия. Чем и вызывает ответную волну гневных обвинений, самое лестное из которых — «иши какая умная!».

Как правило, в цирках есть свои, штатные шпрехшталмейстеры, которые ведут программу. Но если делают они свою работу без души, безграмотно, Магомедова и тут вступает в бой. Иногда он кончается тем, что она категорически запрещает объявлять свой номер. Но прежде с ее стороны предпринимаются отчаянные попытки хоть как-то исправить французско-нижегородское произношение ведущих, привнести какие-то элементы культуры, если хотите, цивильности, в их убогие манеры.

Но кто же согласится признать себя провинциалом? Уж лучше доказать этой «столичной штучке», что она суетится не в свое дело! И доказывают. А она, опомнившись от «вездесущих доказательств», вновь принимается за свое. Теперь, наверное, не надо объяснять, почему за ней, как шлейф, тянутся слава неуваживчивой, скандальной особы.

Да сдалась она ей, эта воспитательная работа! Все равно их больше. И свою голову не приставишь. Зачем надрываться, с ее-то здоровьем! Но эта хрупкая, больная женщина не в силах смотреть на постоянную грязь и запущенность, берет метлу и выметает всю закулисную часть цирка, именно она при наличии главного инженера и другого техперсонала вызывает «аварийку», когда заливает Омский цирк; именно она, как заботливая хозяйка, после представления обходит все помещения, чтобы погасить свет, закрыть воду и окна, проверить, все ли в порядке. А в каждом цирке числится 200—250 сотрудников!

— Даже самые необходимые для ведения спектакля службы в цирке не работают, — с досадой говорит Л. Магомедова. — Мы, артисты, в полной зависимости от осветителя, звукооператора. Вот и приходится воевать с нерадивыми халтурщиками. От их работы, я не говорю о мастерстве, просто профессионального выполнения своих обязанностей, многое зависит в оформлении всей программы и каждого номера. И прежде всего это музыкальные и световые эффекты. Они же нам, исполнителям, преподносят эффекты другого рода — то прогуляют, то напьются. И все сходит с рук — заменишь-то некем! Кто пойдет на нищенское жалованье? Поэтому и спросить не с кого. А при чем здесь зрители? Они платят за полноценное представление! — возмущается Ларита.

— Не так давно меня уверяли, — вспоминает артистка, — что в Омске в цирк почти никто не ходит. Мол, голодные, озабоченные люди задавлены своими проблемами, тут не до цирка.

И все же наша программа прошла хорошо. Людям нужно отвлечься от повседневных забот, посмеяться, отдохнуть. В цирке для этого есть все. Множество отзывов в местной печати говорят, что мы не зря потрудились.

Конечно, бывает горько видеть, как небрежно относятся к своей работе некоторые артисты, — продолжает нашу беседу Ларита Анатольевна. — Становится обычным, когда артисты приходят в цирк с третьим звонком, за несколько минут до выхода на манеж. Под любым предлогом отыскивают от участия в параде, а ведь это же визитная карточка представления.

Идет деградация. Люди не уважают свой труд, не ценят его. Молодежь, та прямо заявляет: «Нас обманули. Нам обещали золотые горы, а где они? Раз так, пусть дураки вкалывают!»

А дураков этих все меньше и меньше. Недавно молоденькая артистка призналась мне: «Ларита Анатольевна, вы так выглядите на манеже, просто завидно. А какая чудесная кожа!» Пришлось объяснять девочке, что кожа здесь ни при чем. Это секреты грима. А гримироваться разучились. Да что там гримироваться, причесываться не успевают! Беспечно полагают — и так сойдет. Не сходит.

Собираясь на гастроли, я обязательно захожу в магазин ВТО, чтобы купить грим, помаду, смывку. Беру побольше, зная наперед, что придется с кем-нибудь поделиться. Приезжая на премьеру с минимальным багажом, нынешние артисты не заботятся о такой мелочи, как грим. Я же везу с собой и светофильтры, и лампы для прожекторов, чтобы застраховаться от случайностей. А сколько раз фрак и лаковые туфли мужа, Евгения Родина, выручали горе-шпрехшталмейстеров. Но ведь такая благотворительность в нашей среде скорее во вред, чем на пользу. Люди не понимают ситуации. Они, как школьники — сошло и ладно! Главное, что в дневнике двойки не было. А двойку всем нам давно поставили зрители. Так надо же исправлять! А с кем?

В новогодние каникулы в Омском цирке я впервые самостоительно поставила детское представление «Верные друзья». Получилось это так. Из главка пришел сценарий. А режиссера, как водится, нет. Я была художественным руководителем программ, вот и пришлось самой засучивать рукава, не зря же столько лет в цирке, чему-то научилась.

Как же трудно было расшевелить артистов! Репетиции мизансцену со снежинками. Показываю движение, объясняю, танцуя, а девочки, как сонные тетери, еле ходят. Но зато требуют — за снежинок надо платить! Вот и весь сказ. Правда, потом вроде все втянулись, и елка получилась на славу. Нет, я не себя хвалю, — спохватывается Ларита, — так все говорили.

Не много нашлось энтузиастов, подобных Ларите Магомедовой. Наша газета сообщала о цирках, в которых так и не заглянули для ребят в дни зимних каникул огни елок. А ведь на вернике были в программах и выпускники режиссерского факультета ГИТИСа, и просто способные артисты. Но не захотели. Зачем морочить голову, когда и так сойдет?

Магомедовой тесно в отведенных рамках. Хочется большего. Хочется переоформить и видоизменить свой номер. Но Союзгосцирк не идет на встречу ее желаниям, а одной ей подобное не под силу. Прежде всего потому, что нужны деньги. И на реквизит, и на костюмы, и на животных. Семнадцать лет все это служит Ларите благодаря ее стараниям. Но ведь и металлы устает. За это время более пробивных коллеги успели несколько раз сменить все, а она по-прежнему ходит с протянутой рукой, наивно ждет содействия. Иногда нервы не выдерживают, и она начинает бунтовать, но делу это не помогает.

И вновь она обивает пороги кабинетов, часами ожидая приема нужного чиновника. И, ничего не добившись, спешит на вокзал или аэропорт, чтобы успеть в цирк.

Так идут дни, месяцы, годы. Только в кулуарах слышит Ларита: «Ты наша легенда и гордость. Ваши с Магомедом имена вошли в историю цирка, и не только отечественного, но и мирового. Неужели ты не понимаешь?»

Понимает ли она? Конечно, понимает, что пока гремели, пока были на гребне успеха, славы, они были нужны Союзгосцирку. Случилось несчастье и их, словно тряпкой с доски стерли, и осталось чистое место для новых записей.

Она худо-бедно выкарабкалась. Но еще хорошо помнит, как для того, чтобы выпустить свой номер, ей пришлось прощать все, что имела. Как одна заслуженная артистка из жалости, чтобы Ларита не умерла с голода, подкармливала ее из казенных харчей, полагающихся животным.

А Магомед, эта «пантера на канате» (так когда-то его окре-

стили журналисты)? Уже четырнадцать лет он парализован. Заброшен всеми. И хотя многое, что появилось в жанре сегодня, обязано и его достижениям, непревзойденный мастер обрывочных трюков находится в жалком, беспомощном состоянии.

— Осенью из Японии вернулась программа Э. Кио. Я была потрясена тем, — говорит Ларита, — что японские товарищи, нет я не говорилась, именно товарищи, узнав о тяжелом недуге М. Магомедова, передали ему в дар автоматическую инвалидную коляску. Теперь он сможет выбросить ту жалкую самоделку — доску на четырех колесиках, на которой все эти годы передвигался по квартире. Нет слов, чтобы в достаточной мере выразить благодарность японской фирме и артисту В. Анохину, доставившему подарок в Москву.

Пусть наша личная жизнь с Магомедом не сложилась. Но для меня он навсегда остается артистом цирка с большой буквы. И несмотря на то, что мне трудно ездить к нему на другой конец Москвы, я стараюсь, по возможности, навещать его.

Вот уж, действительно, сюрприз. Неожиданный и приятный. Там, в стране восходящего солнца, кто-то вспомнил о блестящем канатоходце, кто-то опечалился его нынешним состоянием и решил помочь советскому артисту. Низкий поклон отзывчивому сердцу, принесшему чужую боль как свою. Для добра нет преград, нет границ. «Кто хочет, тот добьется», — пели мы в детстве хором. Как видно, большему нас не научили. Не знаю, какие песни поют в Японии, но теперь знаю наверняка, что есть там люди, способные на бескорыстную помощь. Нам же столько лет внушали, что капи-тисты только пьют соки из трудящихся, на чем и держатся.

А теперь настал черед рассказать еще один любопытный факт. За подлинность его ручаться не могу, хотя нет и веских оснований сомневаться. Во всяком случае редакция попробует докопаться до истины.

Итак, Париж 1968 года. Советский цирк триумфально завершает гастроли. Их организаторы и объединенное общество цирков мира решают наградить советских артистов В. Филатова, О. Попова, М. Магомедова и прелестную Л. Магомедову Большой золотой медалью (Гран-при 1968 года). По нелепому стечению обстоятельств Лариты не оказалось на сцене в торжественный момент вручения. И медаль была передана руководителю поездки бывшему директору Киевского цирка В. Антонову. Он успокоил собравшихся, заявив, что Магомедова еще молода, у нее все впереди, а медаль мы передадим в музей. И директор сдержал свое слово. Артистка медали так и не увидела.

Кто-то может сказать: да ерунда все это. Таких медалей за рубежом видимо-невидимо. И все же наши артисты, обделенные почестями у себя на родине, дорожат любым знаком внимания к их таланту.

На юбилее заслуженной артистки Дагестана Лариты Магомедовой ее однокурсник Иосиф Кобзон сказал, что она — фанатичка, променяла божий дар на цирковой манеж.

Так, может быть, настала пора воздать должное мужеству, преданности рядовым цирковой гвардии Ларите и Магомеду Магомедовым? И сделать для них все возможное сегодня, не откладывая в долгий ящик наших обязательств. Иначе, как это уже не раз случалось на нашей греческой земле, мы спохватимся слишком поздно.

В. СЕРГЕЕВА.

Фото В. ПАНЯРСКОГО.

СЕГОДНЯ В МАНЕЖЕ

Выступление воздушных гимнастов на вращающемся аппарате Галины ЛОБЗОВОЙ и Валерия БУДАНОВА отличает сложность комбинаций, артистичность в подаче трюков. Особенно эффектен «обрыв» артистки в штрабаты с последующими выкрутами.

Фото Г. АРУТЮНЯНА.

